

у В. Астафьева в «Пастухе и пастушке»). Этой мыслью пронизаны и документальные книги последних лет: «Я из огненной деревни» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, такие исследования психологического механизма предательства и фашистского мышления, как «Каратели» А. Адамовича.

Суровость этих книг, их подчеркнутая, сконцентрированная трагичность не имеет ничего общего (хотя и бывает похожа по внешним проявлениям) с «жесткой» манерой письма, характерной для многих книг о второй мировой войне, появившихся на Западе, будь то «Возмездие» Г. Ледига, «Преданные сыновья» М. Хорбаха или «Дороги Фландрии» К. Симона. Реалистическая сущность, как и антивоенная направленность таких книг, весьма условна прежде всего потому, что, нагромаждая непереносимые ужасы и не объясняя характера происхождения войн, они внушают лишь чувство безысходности, подводят к мысли, что на современной войне человеку остается только по-звериному бороться за свою жизнь.

В книгах советских писателей о Великой Отечественной войне трагизм выступает не просто как выражение бесчеловечия, противоестественности войны. Он в то же время служит выявлению героизма советского человека и неотделим от стремления понять и запечатлеть этот героизм как можно полнее, показать народный подвиг как можно правдивее, ибо героизм, по словам А. Чаковского, «меркнет и во мраке ночи, и в розовом свете буколки» [13].

В литературе социалистических стран Европы война и ее трагедии с годами все в большей мере стали восприниматься через призму исторических перемен, революционных по смыслу, которые происходили в этих странах и непосредственные истоки которых лежат в антигитлеровском Сопротивлении. Югославский писатель М. Лалич говорил прямо о себе и о других писателях Югославии: «Бранко Чопич, Эрих Кош, Добрица Чосич, Скендер Куленович, Антоние Исакович, а также и я расширили рамки военной тематики, и собственно военные события у нас оттеснились революционной борьбой» [14]. Эти слова в той или иной мере можно отнести к литературе всех социалистических стран Европы.

Возрастающая близость с советской литературой видна в понимании общественного, исторического значения войны не просто как столкновения вооруженных армий, но и как противоборства социальных систем, государственных устройств, идеологий. Венгерский писатель И. Шимон говорил: «Для меня вторая мировая война не является серией сюжетов волнующих сражений, богатых коллизий; война для меня — становление нового мировоззрения, возможность через творчество выразить мысли, которые могут содействовать моральному очищению... Это я понял, читая „Судьбу человека“ Шолохова, если ограничиться одним конкретным именем и произведением» [15]. Подымаясь до высоких философских обобщений, литература стран социалистического содружества, как и советская литература, видит смысл войны в победе социализма над идеологией фашистского мракобесия. Название последнего тома трилогии М. Пуймановой, вышедшей в 1952 г., — «Жизнь против смерти» содержало в себе идею, выраженную еще в годы войны Л. Леоновым в повести «Взятие Великошумска», где война была увидена как столкновение Жизни и Смерти, как бой за будущее человечества.

Общность видна и в характере выдвинутого этой литературой героя, человека мирной профессии, вынужденного взять оружие для защиты своей свободы, своей Родины, своих близких. Ее можно найти и в сфере движения жанров: преимущественное положение широкоохватных замыслов сменилось в 60-е годы подчеркнутым вниманием к малым прозаическим формам, сосредоточенным на исследовании внутреннего мира героя, его психологии. Это не отменяло присущего литературе социалистического мира стремления к широте изображения народной жизни, проявившегося